© Автор(ы), 2026
Laboratorium: журнал социальных исследований. 2026. 18(1):108–112
DOI: 10.66184/2078-1938-2026-18-1-108-112

Дмитрий Асташкин

Nicole Eaton. German Blood, Slavic Soil: How Nazi Königsberg Became Soviet Kaliningrad. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2023. 330 pp. ISBN 9781501767364.

Дмитрий Асташкин, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Россия. astashkin_dy@gmmobl.ru.

Калининградская область – это исторический палимпсест. Под советской застройкой здесь до сих пор обнаруживают немецкие руины, а в очертаниях городских кварталов прослеживается средневековый план Кенигсберга. Книга Николь Итон не об архитектурных загадках. Она о том, как один и тот же клочок балтийского побережья стал полигоном для двух жестоких утопических проектов XX века, и о миллионах оказавшихся между ними людей. Восточная Пруссия – единственный регион, которым режимы Гитлера и Сталина последовательно управляли не как оккупационной зоной, а как своей неотъемлемой территорией, что делает его идеальной лабораторией для изучения природы диктатур.

Историография долго держала эти два сюжета порознь. Германисты изучали «немецкую трагедию» изгнания и миф о «восточном форпосте» (Kossert 2001; Rohrer 2006). Советские историки анализировали «социалистическое освоение» пустующих земель и механизмы советизации. Последние два десятилетия принесли целый ряд исследований, посвященных послевоенной трансформации региона: от монографии Берта Хоппе (Hoppe 2000), реконструировавшей политику советской администрации в 1946–1970 годах, до работы Джейми Фримена (Freeman 2020), сосредоточенной на конструировании новой идентичности и пространства. Однако, как точно замечает Итон, эти исследования, при всех их достоинствах, оставались в рамках либо «немецкой», либо «советской» оптики. Итон предлагает радикально иной подход, вписывая свою работу в традицию «переплетенной истории» (entangled history), развиваемую Майклом Дэвид-Фоксом и Питером Холквистом (David-Fox et al. 2012). Вместо раздельного сравнения двух режимов как статичных структур Итон помещает их в единое аналитическое поле, прослеживая, как нацизм и сталинизм конкурировали за одно пространство.

Итон неслучайно выбирает Кенигсберг/Калининград в качестве призмы. Периферийное положение региона создавало условия для высокой степени местной автономии, позволяя региональным лидерам – гауляйтеру Эриху Коху (1928–1945), а затем главе облисполкома Василию Борисову (1946–1948) – экспериментировать, создавая локальные версии утопий. В межвоенный период изоляция Восточной Пруссии, отрезанной от остальной Германии Польским коридором, породила уникальный гибрид: здесь синдром города-крепости (bulwark syndrome) парадоксально сочетался со стремлением быть экономическим «мостом» к Советской России. Это сочетание делало местный нацизм одновременно и более радикальным, и внутренне противоречивым, чем в «старом Рейхе».

После 1945 года изоляция повторилась, но уже в советской «упаковке». Калининградская область оказалась на задворках сталинского планирования: Москва

не имела для нее ни достаточного бюджета, ни кадрового резерва, ни даже четкого понимания, что делать с оставшимся немецким населением. Этот «вакуум принятия решений» – центральное понятие для послевоенных глав книги – привел к тому, что судьба региона решалась не столько в кремлевских кабинетах, сколько в ежедневных столкновениях голодных немецких женщин, демобилизованных красноармейцев и растерянных советских чиновников на месте. Именно это напряжение между центром и периферией, между идеологическими установками и суровой повседневностью становится лейтмотивом монографии.

Книга построена по хронологии и состоит из семи глав, которые «ведут» читателя от зарождения нацистского мифа о «восточном форпосте» в Веймарской республике через военную катастрофу 1944–1945 годов к сложному и противоречивому процессу советизации края. Первые две главы посвящены формированию локального нацизма в условиях изоляции и его экспансии на восток в годы войны. Третья глава детально реконструирует крушение немецкого Кенигсберга под ударами Красной армии. Однако подлинное исследовательское новаторство Итон раскрывается в последующих главах – с четвертой по седьмую, – где она на огромном архивном материале показывает, как в руинах бывшей немецкой провинции сталкивались, переплетались и мучительно сосуществовали два мира – мир победителей и мир побежденных.

Ключевые главы монографии – четвертая и пятая, посвященные вступлению Красной армии в Восточную Пруссию и первому году советской власти. Итон выходит за рамки привычной дихотомии «немецкие жертвы – советские победители», показывая внутреннюю полемику о границах гуманизма в советском обществе. Солдаты, входившие в «логово зверя» с лозунгами «священной мести», сталкивались с моральной дилеммой: как мстить, не превращаясь в тех, кого ты презираешь? Дневники и письма фиксируют этот разрыв. Один из самых пронзительных сюжетов – реакция на акты насилия: офицеры осознавали, что «неконтролируемая месть» разрушает не только врага, но и собственную армию, подрывая самую основу социалистического проекта как «освободительного».

Этот анализ вписывает книгу Итон в современную историографию насилия, представленную работами Йохена Хельбека о субъективности на войне (Hellbeck 2006) и Нормана Наймарка о «русских в Германии» (Naimark 1995). Но Итон идет дальше: она показывает, как насилие становилось частью послевоенной повседневности, формируя этническую иерархию, которая существовала де-факто, но никогда не признавалась де-юре. Немцы, оставшиеся в Калининграде, оказались поражены в правах не по расовому признаку, а по логике военного разгрома и хозяйственного дефицита.

Центральный сюжет книги – попытка советской власти «перековать» немцев в сознательных строителей социализма. Итон убедительно показывает внутреннюю противоречивость этого проекта. С одной стороны, местные власти искренне пытались реабилитировать бывших врагов: открывали немецкие школы (по стандартам, действовавшим для национальных меньшинств РСФСР!), выпускали газету «Neue Zeit», разрешили деятельность Антифашистского клуба и даже финансировали дома престарелых для немцев. Это была попытка реализовать интернационалистский идеал «дружбы народов» в его самом смелом варианте.

С другой стороны, хронический дефицит ресурсов и давление Москвы с требованиями выполнить пятилетний план любой ценой привели к тому, что немцы превратились в удобных козлов отпущения. Их неспособность работать с прежней эффективностью (обусловленная банальным истощением и дистрофией) интерпретировалась как саботаж и происки врага. Отсутствие у немцев собственного представительства (в отличие от немцев в советской зоне оккупации Германии) делало их бессловесными перед лицом этой риторики. Итон ставит важный теоретический вопрос: можно ли измерить успех «перековки»? Ведь если нет четких критериев, то любой провал автоматически списывается на «недолеченный фашизм».

Глава седьмая, «Славянская почва», – концептуальная кульминация книги. Когда выяснилось, что древних славянских корней у Кенигсберга не найти (эксперты Академии наук СССР констатировали, что топонимика региона – балтская, а не славянская), советская власть прибегла к другому аргументу: земля стала русской потому, что полита русской кровью. В годы холодной войны риторика классовой борьбы уступила место этническому национализму. Итон показывает, как этот гибридный нарратив легитимизировал не только аннексию, но и выселение немцев: они стали не просто бывшими врагами, а «чужаками» на «исконной славянской земле». Здесь автор вступает в диалог с исследованиями Дэвида Бранденбергера о «национал-большевизме» (Brandenberger 2002) и работами Терри Мартина об «империи позитивного действия» (Martin 2001), демонстрируя, как общесоветские тенденции приобретали специфически радикальные формы на калининградской периферии.

Наиболее красноречивым символом этой политики стала судьба Кенигсбергского замка – средневековой цитадели, серьезно поврежденной в ходе штурма. Итон отмечает, что замок не восстанавливался и в конечном счете был взорван. Однако за этим решением стояла не только военная необходимость, но и вполне осознанная культурная политика. Первый главный архитектор облкомхоза Тимохин в записке в ЦК ВКП (б) предлагал разобрать руины города на кирпичи для нужд советского строительства, экономя на возведении новых заводов. Замок же, по свидетельствам современников, в конце 1940-х годов использовался как каменоломня – внутри него работала камнедробилка, вибрация от которой окончательно разрушала древние стены. Это была не просто утилизация руин, но ритуальное уничтожение символа «прусской военщины» – процесс, который Итон вслед за Ольгой Сезневой (Sezneva 2013) справедливо называет «архитектурой забвения». Показательно, что даже внутри советского сообщества не было единства относительно судьбы немецкого наследия. 30 октября 1965 года группа Героев Советского Союза, участников штурма Кенигсберга, обратилась в «Литературную газету» с письмом в защиту замка, называя его «памятником зодчества прошлых веков», придающим городу «неповторимый облик». Реакция первого секретаря обкома КПСС Николая Коновалова была резкой: «Это – резиденция прусских королей, отсюда они угнетали народ. Взорвем и построим на этом месте новые дома. Чтоб немецкого духа здесь не осталось!». Этот эпизод высвечивает важный конфликт: фронтовой опыт ветеранов, помнивших цену штурма, парадоксальным образом делал их более чувствительными к сохранению исторической ткани города, чем партийных функционеров, для которых важнее была идеологическая чистота пространства.

Итон демонстрирует впечатляющее владение источниками: она работает с материалами более чем десятка архивов в России, Германии, Польше и США, умело сочетая в тексте анализ партийных директив и дневников и мемуаров простых горожан. Особую ценность представляют редкие свидетельства – от дневника немецкого врача Ханса Дайхельмана до воспоминаний советской переселенки Манефы Шевченко. Автор дает голос тем, кто обычно остается за кадром большой истории: немецким женщинам, пережившим насилие, бывшим остарбайтерам, решившим остаться в Калининграде, еврейским подросткам вроде Михаэля Вика, прошедшего через оба режима.

Однако серьезная книга заслуживает и серьезного критического анализа. И тут возникает вопрос о методологических границах бинарной оптики. Оставаясь в рамках дихотомии «немцы – русские/советские», Итон невольно воспроизводит ту самую национальную оптику, которую стремится преодолеть. Восточная Пруссия после 1945 года была разделена между СССР и Польшей. Южная треть отошла Польше, и судьба мазурского населения – польскоязычных протестантов, которые не были ни «чистыми» немцами, ни «чистыми» поляками, – остается за рамками исследования. Как политика полонизации Мазур и насильственная ассимиляция этого населения повлияла на восприятие «немецкого вопроса» в Калининграде? Были ли контакты между советской и польской администрациями? Без польского фактора и сравнительного анализа картина переустройства региона остается неполной. Особенно заметно это на фоне блестящих работ Грегора Тума о Вроцлаве (Thum 2011), где полиэтничность послевоенного города показана во всей ее сложности.

Важным кажется анализ внутренней неоднородности категорий «немцы» и «советские люди». Итон пишет об этих группах как о более или менее целостных, но ее собственный материал то и дело подрывает эту целостность. Немецкие коммунисты, работавшие в советской администрации, и немецкие аристократы вроде графа Ханса фон Лендорффа, презирающие и нацистов, и коммунистов, существовали в разных реальностях, по-разному видели свое будущее и по-разному взаимодействовали с новой властью. Отличалось ли поведение бывших фронтовиков, новых переселенцев из российской глубинки и репатриированных остарбайтеров (которые сами были жертвами нацистского насилия)? Без учета этих различий категории «немцы» и «советские люди» остаются мифологизированными.

Дискуссионной является степень агентности немецкого населения. Итон подробно и с большой эмпатией реконструирует страдания немцев в послевоенном Калининграде – голод, болезни, насилие, выселение. Однако немецкое население предстает в книге преимущественно как объект, но не как субъект исторического действия. Даже те немногочисленные немцы, которые пытались вписаться в новые реалии, остаются на периферии повествования.

На страницах 204–206 Итон знакомит нас с фигурой Пауля – немецкого коммуниста, работающего политическим надзирателем в больнице. Он пытается донести до немецких коллег идеи новой власти, но сталкивается с недоверием и насмешками: его речи кажутся бывшим соотечественникам подозрительно похожими на нацистскую пропаганду (с. 205). Другой пример биографической траектории – учительница Люси Фальк, чей дневник Итон активно цитирует. Фальк преподает

в немецкой школе, изучает русский язык, пишет заметки для газеты «Neue Zeit» и даже пытается адаптироваться к новым культурным нормам (с. 200–202, 208). Ее внутренняя эволюция – от отчуждения к попытке диалога – могла бы стать важным сюжетом, но дается лишь пунктиром. Немецкие врачи, инженеры, квалифицированные рабочие, которых советские руководители ценили за профессионализм (с. 184–185, 202–203), также не обретают в книге самостоятельных голосов.

Что заставляло этих людей сотрудничать с новой властью? Была ли это исключительно необходимость выживания или искреннее принятие новых идеалов? Как на них смотрели другие немцы – как на предателей или как на посредников? Была ли у них возможность хоть как-то влиять на принимаемые решения или хотя бы на условия собственного существования? Ответы на эти вопросы позволили бы увидеть послевоенный Калининград не только как пространство советского эксперимента *над* немцами, но и как пространство сложного, неравноправного, но все же *взаимодействия*. Этот сюжет мог бы стать темой отдельного исследования – и, возможно, следующим шагом в изучении региона.

Перечисленные вопросы – не столько упрек, сколько признание эвристической мощи книги: она провоцирует на спор, а это высшая похвала для исследователя. «Германская кровь, славянская почва» задает новую планку для исследований региона и предлагает убедительную модель того, как можно описать переплетенную историю двух насильственных режимов. Книга будет интересна не только специалистам по истории России и Германии, но и всем, кто изучает природу утопического мышления, механизмы социального исключения и конструирование идентичности в экстремальных условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Brandenberger, David. 2002. *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

David-Fox, Michael, Peter Holquist, and Alexander M. Martin, eds. 2012. *Fascination and Enmity: Russia and Germany as Entangled Histories, 1914–1945*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press.

Freeman, Jamie. 2020. *From German Königsberg to Soviet Kaliningrad: Appropriating Place and Constructing Identity*. London: Routledge.

Hellbeck, Jochen. 2006. *Revolution on My Mind: Writing a Diary Under Stalin*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Hoppe, Bert. 2000. *Auf den Trümmern von Königsberg: Kaliningrad 1946–1970*. Munich: Oldenbourg.

Kossert, Andreas. 2001. *Preußen, Deutsche oder Polen? Die Masuren im Spannungsfeld des ethnischen Nationalismus, 1870–1956*. Wiesbaden, Germany: Harrassowitz.

Martin, Terry. 2001. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, NY: Cornell University Press.

Naimark, Norman. 1995. *The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Rohrer, Christian. 2006. *Nationalsozialistische Macht in Ostpreußen*. Munich: Meidenbauer.

Sezneva, Olga. 2013. "Architecture of Descent: Historical Reconstructions and the Politics of Belonging in Kaliningrad, the Former Königsberg." *Journal of Urban History* 39(4):625–647.

Thum, Gregor. 2011. *Uprooted: How Breslau Became Wrocław During the Century of Expulsions*. Princeton, NJ: Princeton University Press.